

Мелочные заметки

Интеллектуальное наследие В.Л. Цымбурского огромно и крайне разнообразно. Объем же моих знаний весьма ограничен и притом далек от большей части вопросов, которые привлекали его внимание. Посему, заведомо оговаривая не только эскизность данного текста, но и весьма суженный ракурс, в котором мне доступно рассмотрение мысли ученого, сформулирую то, что меня смущает в концепции Цымбурского, отраженной в незавершенной докторской диссертации «Морфология российской геополитики», с отдельными главами которой я имел возможность ознакомиться.

В данном случае неизбежно противопоставление масштабному подходу замечаний частного порядка, не предполагающих иного, соразмерного видения. А это всегда весьма ограниченная критика – поскольку в отсутствие соразмерной альтернативы она не имеет шансов противостоять тому, что критикует: она работает на ином уровне. Ведь даже если она верна, подобная критика не может заменить «имагинацию», а в лучшем случае – побудить к ее корректировке. Да и последнее сомнительно – поскольку «имагинация» проективна, и даже если она спорным или прямо неверным образом интерпретирует прошлое, это не отменяет ее ценности как проекта, способа ориентироваться в будущем, определяя по отношению к нему свои действия. Прошлое же здесь – лишь ресурс «имагинации» и, самое большое, некоторая проверка – не на точность соответствия, но лишь против совсем уж радикальных расхождений с тем, что дают реконструкции, не столь «вброшенные» в перспективу будущего по отношению не к протагонистам, но к автору. Отсюда вытекает цель всего нижесказанного – не возражение Цымбурскому, а критика, направленная к прояснению его мысли, сомнение как способ яснее увидеть ресурсы, содержащиеся в его концептуальных построениях.

Масштабные по замыслу «Метаморфозы российской геополитики» оказываются в высшей степени сложными из-за переплетения сразу многих уровней анализа: российской политики – преимущественно внешней, но также и внутренней, рассмотренной через призму концепции российской цивилизации, где анализ интеллектуальной истории – это одновременно и способ описать ее – «метаморфированное» – существование в XVIII–XX веках, и в то же время ключ к интеллектуальной истории, та концептуальная рамка, которая позволяет осмыслить ходы мысли как части единого целого, в противном случае превращающегося либо в рассыпанные наброски, либо в «отраженный свет» западной мысли (и история в этом случае оборачивается не историей мысли, а историей не- или недо-понимания).

Тесля Андрей Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Тихоокеанского государственного университета, г. Хабаровск.
E-mail: mestr81@gmail.com

Исследование Цымбурского предстает сложнейшим герменевтическим проектом постоянного «возвратного чтения», где обследованное, изученное дает толчок к интерпретации следующего элемента – чтобы вновь быть переосмысленным на его основе. В этом интеллектуальном предприятии есть сопряжение бесконечности перспективы и в то же время изначальной определенности подхода: происходящее в процессе исследования не меняет исходной схемы, а добавляет всё новые и новые акценты или, точнее, ракурсы рассмотрения – зачастую совершенно неожиданные, но это именно «непривычные ракурсы» одного и того же объекта, к которому невозможно подходить с позитивистских позиций – и потому, если принимать позитивистскую перспективу, то здесь нет предмета для критики, а лишь отвержение с порога, поскольку Цымбурский претендует не на детальное архивное исследование, подтверждающее его видение российской геополитической мысли, а на открытие «бессознательного» (по выражению Б.В. Межуева) российской истории – или, как формулирует он сам, на «выявление» и «эксплицитное описание» «российской имплицитной геополитики» – на логику бессознательного, скрытую от сознания не только самих действующих лиц, но и тех, кто осмысляет геополитическое положение Российской империи или Советского Союза, то, что невольно проговаривается – и становится видно лишь при измененной оптике.

Модель подобного подхода сам Цымбурский находил у Шпенглера – автора, которым принято пренебрегать в академических кругах. Если в 1993-м (после переиздания первого тома «Заката Запада») увлечение Шпенглером было всеобщим, то для Цымбурского оно оказалось не модой, а обретением единомышленника – не в заимствовании конкретных подробностей, не говоря уж об эффектных формулировках, но в самом способе видеть историю: через «прафеномен» Шпенглера/Гете. Здесь работает лишь схватывание, узрение прафеномена; прочее – уже конкретизация, но она не может выступать «доказательством», а лишь прояснением. Сам же прафеномен не может быть показан, не говоря уже о доказательстве – на него возможно только указать в многообразии феноменов, различных, зачастую внешне совершенно несхожих, но в которых тот глаз, что успел схватить прафеномен, увидит многообразные превращения единой формы.

Бросающимся в глаза затруднением создаваемого Цымбурским образа русской истории оказывается представление XVIII–XX веков как «псевдоморфозы», тогда как адекватной формой предстают XV–XVII века, образование «Острова России» в расширении как на Восток, так и на Юг и Запад. То есть получается, что едва только «Остров Россия» обретает свои «естественные» пределы, как он тут же выходит за них. Впрочем, самого автора подобное положение вещей вряд ли смущало – учитывая столь близкое ему подчеркивание «победы» и «поражения», трагического в истории, осознание чего делало в его глазах особенно драгоценной античную классику.

В этом состоянии «псевдоморфозы» Цымбурский конструирует пятифазовый стратегический цикл:

А – включение в европейскую политику в качестве вспомогательной силы одной из сторон (коалиций), в результате чего барьер из лимитрофов ликвидируется, и «тотальное поле Империи смыкается с тотальным полем потенциального хозяина Европы»;

В – столкновение с «потенциальным хозяином Европы», вызванное стремлением с его стороны устранить Россию как фактор, мешающий ему из «хозяина потенциального», то есть находящегося в нестабильном состоянии, перейти в стабильное положение «хозяина Европы», зафиксировать свое господство в европейском политикуме;

С – фаза преобладания, когда в результате поражения претендента на европейскую гегемонию Россия активно и в качестве уже самостоятельного, преобладающего игрока включается в европейские дела;

D – кризис и поражение, когда «консолидировавшийся Запад отбрасывает Россию в холодной либо горячей войне к балтийско-черноморскому порогу Европы – или даже, если получится, то и за него»;

E – «евразийская интермедия», когда отброшенная в результате поражения Империя начинает прилагать основные усилия вне Европы, накапливая силы и одновременно дожидаясь момента, когда изменившиеся условия позволят ей вновь вступить в европейскую политику, будучи привлеченной какой-либо из действующих в ней сил в качестве союзника.

Прежде всего необходимо отметить, что третья фаза («фаза C», по терминологии Цымбурского) фактически оказывается в описании тождественной уже европейскому преобладанию России – или ее представляющимися вполне реальными притязаниями на таковое, исполнение роли «хозяина» или одного из (как правило, на пару с какой-то другой державой) «хозяев». Перед нами любопытная подмена понятий – полноценное участие в европейских делах представляется здесь тождественным наличию «своего проекта для Европы», европейской гегемонии или близости к ней. В дальнейшем мы увидим, почему подобная подмена оказывается важна для Цымбурского, позволяя ему наложить свою схему на исторический процесс XVIII–XX веков. Применительно к историческому материалу Цымбурский выделяет три стратегических цикла, выражая сомнения относительно (не)завершенности третьего: 1) с 1726 по 1906 год, 2) с 1907 по 1939 год и 3) с 1939 года по наши дни.

Остановимся кратко на первом цикле: прологом к нему выступает Северная война, после которой Империя постепенно всё прочнее втягивается в европейскую систему, принимая участие в образующихся там коалициях, преимущественно в союзе с Австрией. Первая фаза заканчивается в 1809–1812 годах, когда конфликт Российской империи с Наполеоновской быстро продвигается к прямому военному столкновению, в котором Россия уже выступает не в качестве союзника Австрии или Пруссии, а основным противником Наполеона, нуждающегося в том, чтобы сокрушить ее, поскольку вариант превратить Россию в прочного союзника оказался нежизнеспособным. Вторая фаза оказывается стремительной, укладываясь в военную компанию 1812 года, и далее, с заграничного похода русской армии, начинается третья фаза – преобладания, конец которой будет положен Крымской войной (четвертая фаза). Парижский мир начинается пятую фазу – со знаковой для ее начала фразой князя Горчакова «Россия сосредоточивается». Новый же цикл начнется с достижения русско-британского соглашения в 1907 году и включения в европейскую политику в рамках Антанты.

Выделение последней, долгой фазы («евразийской интермедии») дает нам объяснение, для чего Цымбурскому было необходимо проинтерпретировать включение в европейскую политику исключительно в форме «гегемона» (эпоха Священного Союза), поскольку в противном случае – при рассмотрении участия Российской империи в европейской политике в качестве одной из великих держав – не получилось бы выделить столь интересовавшую его «евразийскую» фазу. Ведь возвращение России в европейскую политику в качестве одного из полноценных партнеров происходит почти сразу же после Парижского мира – еще в рамках мирных переговоров намечаются контуры франко-русского соглашения, которое, впрочем, окажется достаточно непрочным и будет окончательно разрушено позицией Франции в ситуации польского восстания 1863 года, однако приведет на сей раз к результатам, весьма далеким от исключения России из «европейского концерта», а скорее – к прямо противоположным, поскольку провал тройственного дипломатического давления (Великобритания, Франция и Австрия) на Россию обусловит поддержку Россией Пруссии, столь необходимую правительству последней, недавно возглавленному О. фон Бисмарком, для реализации планов «Малой Германии». Фактиче-

ски Цымбурский интерпретирует как «интермедию» (для России представляющую «азиатским поворотом») отсутствие в Европе на протяжении этого времени масштабных столкновений, эпоху «большого мира» с 1815 по 1914 год, в особенности после объединения Италии и Германии, когда европейское соперничество будет вынесено вовне, в усилия по построению колониальных империй и обретению новых сфер влияния.

Однако куда больше вопросов вызывает соотнесение первого цикла с двумя последующими – в особенности с выделением второго, самого короткого цикла, большая часть которого приходится на «евразийскую интермедию» (с начала 1920-х годов до 1939-го). Ведь при желании аналогичным образом можно было бы умозрительно расчленить и первый цикл, раз во втором фазой «гегемонии» оказывается «поход на Варшаву» и революционные вспышки в послевоенной Европе (вроде Венгерской советской республики). Но в данном случае, как нам представляется, вполне отчетливо читается проективная задача Цымбурского – не только укрепить общую схему (за счет повторяемости, а не простого декларирования геополитической преемственности СССР по отношению к Российской империи), но и сместить водораздел с символического 1917 года на предшествующий этап, тем самым задавая фундаментальное единство российской истории поверх сменяющихся политических режимов и социальных строев.

Цымбурский в первой, наиболее теоретически насыщенной главе своей незавершенной докторской диссертации утверждает, что если «науке присуща “воля к истине”», то «геополитике как роду деятельности – “воля к творчеству”». Сам он претендовал на то, чтобы одновременно играть на двух полях – политологии, научного знания о политике (в том числе и знания о геополитике, когда последняя оказывается объектом изучения), и геополитики, соответствующей критериям не знания, но «правдоподобия», «убедительности», – критериям эстетическим, рода искусства или, сниженно (но оставаясь в пределах того же греческого корня), навыка, умения. Два поля были тесно связаны в его работах, и зачастую нелегко бывает определить, говорит ли он здесь как исследователь или же использует исследовательскую позицию для придания убедительности своим образам, которые в идеале должны сами изменить реальность (и тем самым обрести истинность *post factum*).

Однако вместо того чтобы обращать это в банальный по своей предсказуемости упрек, продуктивнее увидеть здесь ресурс – тем более что сам ученый сочувственно цитирует Якова Голосовкера, опираясь на его понимание философии в качестве искусства «построения мира и мировой истории из внутренних образов, которые... суть смыслообразы, т.е. создают здание смыслов».

Смыслы – и в том числе смыслы, имеющие геополитическую проекцию наделять пространство политической (потенциальной или актуальной) значимостью, – не являются данностью, а способны ею стать. И поэтому Цымбурский стремился разработать актуальный инструментарий российской политической мысли – смысловой каркас, допускающий самые разнообразные применения: от «имперства» (либерального или евразийского) до «изоляционизма» и попытки обживания в «естественных границах» XVII века перехода к «государству» от «империи», от постоянно проблематичной границы – к прочной рамке (*cadre*), задающей основные параметры действия.